

Д.Н. Лелюхин

ГОСУДАРСТВО, АДМИНИСТРАЦИЯ И ПОЛИТИКА В «АРТХАШАСТРЕ» КАУТИЛЬИ

В индологии представление о существовании в древности централизованного могущественного, обладавшего разветвленным бюрократическим административным аппаратом государства сформировалось в начале XX в. в связи с исследованиями «Артхашастры» Каутильи (далее — КА). Этот уникальный трактат закономерно остается одним из важнейших источников по истории государственности в древней Индии. Наше обращение к КА в настоящей статье вызвано особым значением этого трактата, а также тем, что точка зрения о характере государства, отраженного в нем, оказала значительное влияние на интерпретацию тех немногих сведений о реальных государствах древней и раннесредневековой Индии, которыми располагают индологи.

Концепция централизованного бюрократического государства, по нашему глубокому убеждению, была внесена в исследования КА извне. Она играла важную роль в теоретических построениях целого ряда школ и течений исторической мысли. Несколько поколений исследователей, используя прежде всего сведения КА, пытались доказать, что в древней Индии существовала развитая традиция национальной государственности европейского типа, искали подтверждения в тексте наличия во время Каутильи бюрократии, парламента и иных реалий современного им общества¹. Б. Брелер, автор крупнейшей работы о «государстве КА», видел в нем «идеал арийского государства», мощную бюрократическую структуру, стремился показать древность тоталитарной администрации, служб управления и контроля². Известный индийский исследователь У.Н. Гхошал, находясь под впечатлением идей М.И.Ростовцева, в одной из своих работ пытался отождествить общество, отраженное в КА, с капиталистическим, особо отмечая важность и значение могущественного централизованного бюрократического государства в обеспечении жизнеспособности этого общества³. В марксистской историографии свидетельства КА использовались для подтверждения существования в древней Индии мощного централизованного государства⁴, азиатской деспотии⁵.

¹ Altekar A.S. State and Government in Ancient India. Banaras, 1949; Banerji P.N. Public Administration in Ancient India. Delhi, 1973; Jayaswal K.P. Hindu Polity. Bangalore, 1955; Kangle R.P. The Kautiliya Arthashastra. P. III. A Study. Bombay, 1965.

² Breloer B. Kautaliya-Studien. Bd 3. Bonn—Leipzig, 1936.

³ Ghoshal U.N. The History of Indian Public Life. V. 2. Calcutta, 1966.

⁴ См., например, Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.

⁵ Ruben W. Die Entwicklung von Staat und Recht im Alten Indien. B., 1968.

Ряд исследователей, стремившихся выявить структуру государственного аппарата, отраженного в КА⁶, чаще всего пытались лишь упорядочить массу «чиновников», упоминаемых в трактате, свести их в систему. Обычно эти бесплодные попытки сводились к пересказу источника и вольному толкованию его свидетельств. Неисторический подход, модернизация сведений и терминологии, механическое отождествление структуры древнеиндийского и европейских государств нового времени и теперь остаются довольно распространенными недостатками историографии по проблеме древнеиндийской государственности.

Особо следует выделить проблему модернизации терминологии. Переводчики и исследователи, осмысливая «государство КА» как некий аналог или прообраз современного государства, всегда использовали понятийный аппарат, характерный для работ о государстве XVIII—XIX вв. Любой перевод КА пестрит упоминаниями многочисленных чиновников, министров, департаментов и т.д. Соответствующая трактовка терминологии закрепилась в переводах и словарях, которые используют индологи и в настоящее время. Это, по нашему мнению, одна из причин постоянного воссоздания модернизаторских тенденций при переводах и в исследованиях по истории древней и раннесредневековой Индии.

Такие тенденции поддерживались, в определенной степени, и сложившимся стереотипом в государствоведческих исследованиях. Обращаясь к КА и иным источникам, индологи нередко искали там хорошо им известные реалии современного государства, элементы цельной, отделенной от общества административной структуры, некую идеальную модель — унитарное государство, развитой центральный аппарат (министров, ведомств), местную власть, провинциальную структуру, формы общегосударственного налогообложения и т.п. Причем никто и не ставил вопроса о принципиальной возможности существования таковых в реальных условиях древнеиндийского общества. Следует специально подчеркнуть (учитывая возражения Р.Ш. Шармы на высказывания Я. Хеестермана⁷ об уровне развития древнеиндийского государства), что отсутствие подобного рода институтов не дает повода считать древнеиндийское государство неразвитым. Модель государственной структуры, характерная для нового времени, не может быть критерием для определения уровня развития древнего государства (такое сравнение выглядит попросту некорректным).

Традиционное в историографии представление о «государстве КА» как о централизованном и бюрократическом было поставлено под сомнение лишь в последнее десятилетие. Анализ ряда основных понятий КА привел А.А. Вигасина к мнению о том, что структура общества, отраженного в тексте, «не совместима с идеей чисто бюрократического управления государством»⁸. В этой работе было положено начало пересмотру оценки сведений КА о государстве, ряд же наших статей (в том числе и настоящая) представляют собой попытку развития и дальнейшую разработку обозначенных в ней проблем.

Анализ рекомендаций КА позволил нам выделить и подробно разоб-
раться понятие *мандала* («круг государств»), соответствующее наиболее крупному «государственному образованию» в КА, которое представляло собой рыхлое, аморфное неравноправное объединение нескольких царств.

⁶ См. подробнее: Лелюхин Д.Н. Структура древнеиндийского государства в первой половине I тыс. н.э. (По трактатам о политике). Дис. канд. ист. наук. М., 1989. С. 10—29.

⁷ Heesterman J.C. The Inner Conflict of Tradition. Chicago, 1985; Sharma R.Sh. Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India. Delhi, 1991.

⁸ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984. С. 151—152.

Очерк межгосударственных отношений показал, что даже в эпохи, когда Маурьям или Гуптам подчинялся почти весь Индостан, не было условий для возникновения принципиально иных, единых и централизованных государств⁹.

Рассмотрение терминов КА, обычно толкуемых как обозначения представителей верхнего слоя администрации («министров» и пр.), привело нас к выводу, что ни один из них не может трактоваться однозначно, как чисто административный. Терминами *мукхья* и *махаматра* в КА именовались скорее всего различные категории знати, часть которой вместе с приближенными *аматьями* и *мантринами* («слугами» и «советниками») составляла двор, непосредственное окружение царя¹⁰.

Анализ сведений КА об *адхьякшах* («надзирателях») показал, что последних никак нельзя считать представителями централизованного бюрократического аппарата. Они выглядят скорее как довольно аморфный конгломерат «царских слуг». Некорректными можно считать обычные в историографии утверждения об упоминании в КА специализированных ведомств, министерств. Большинство *адхьякш*, если исходить из их обязанностей, обозначенных в КА II.11—34¹¹, просто не могли исполнять свои функции в рамках даже небольшого государства. Отсутствуют в тексте сведения об иерархии и штате чиновников, должности которых скорее походят на «доходные места». Пресловутая «отчетность» в КА представляется лишь способом разделения прибыли между царем и *адхьякшами*. При этом показательно отсутствие каких-либо действенных средств для контроля последних. Эти «чиновники» не имели субсидий из казны, не получали от царя жалование, но осуществляли ряд важных административных функций, исполнение которых в рамках царства по индийским представлениям традиционно связывалось с царем. Следствием того, что они осуществляли административную власть, была обязанность «возмещать потери» и право собирать налоги и подати в качестве «платы за охрану», отчасти в свою пользу. Право *адхьякш* на получение «дохода» от соответствующих отраслей хозяйства, сфер деятельности (например, торговля, использование рудника) было обусловлено тем, что они передавали часть прибыли (или полученных ими средств) в казну¹².

Итогом наших работ о «государстве КА» можно считать вывод о том, что принятая большинством индологов модель централизованного бюрократического государства не может отождествляться с «государством КА». Отказ от традиционной трактовки сведений КА, одного из важнейших источников по истории государственности в древней Индии, естественно, ставит вопрос, какова же была «модель государства», из которой исходили авторы трактата, и, соответственно, как она соотносилась со структурой реальных древнеиндийских государств? Попыткой ответить на первую часть этого вопроса является настоящая работа.

Принципиально важным кажется прежде всего подчеркнуть особенности КА как источника, ибо это определяет подход к свидетельствам трактата, методику их анализа и путь соотнесения полученных выводов со сведениями иных источников. КА — трактат о политике, содержание его представляет собой «теоретическое» изложение «вечной» государственной муд-

⁹ Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. С. 177—213.

¹⁰ Лелюхин Д.Н. Структура древнеиндийского государства в первой половине I тыс. н.э. (По трактатам о политике.) Дис. канд. ист. наук. М., 1989. С. 97—110.

¹¹ Примечания на текст КА даны по изданию: Kangle R.P. The Kautiliya Arthashastra A Critical Edition with a Glossary. V. I. Bombay, 1969.

¹² Лелюхин Д.Н. Некоторые особенности структуры древнеиндийского государства по «Артхашастре» Каутильи // Вестник МГУ. 1989. № 2. С. 69—78.

рости как таковой, наставление любому царю. Это не руководство по политике в современном значении слова, но и не утопия — рекомендации КА не предполагают конкретного государства, не содержат ни анализа, ни обобщения фактов политической истории. Поэтому «государство КА» мы понимаем как некий теоретический, абстрактный образ, созданный в рамках традиционной индийской «науки», *шастры*, в результате освоения предшествующего политического опыта. Оно не имело реального прототипа, не существовало в действительности, но соединило в себе многие черты реально существовавших государств.

Не учитывая особенностей КА как источника, невозможно правильно интерпретировать ее сведения. В связи с этим А.А. Вигасин считает допустимым два метода работы с КА, один из которых предполагает тщательную интерпретацию самого источника, в известной степени изолируемого сознательно от сообщений других. Подобным образом можно воспроизвести абстрактное общество и государство КА¹³. Используя его в настоящей работе, мы попытаемся разобраться в теории *артхашастры*.

Следует подчеркнуть, что проблема достоверности представлений КА о государстве в данной статье не ставится. Постановка ее возможна только после решения ряда важнейших вопросов, таких, как причина появления КА, цель ее составления, принципы отбора материала в КА и т.п. Вместе с тем нам представляется вполне возможным ее положительное решение, учитывая общий контекст сведений иных источников (прежде всего эпиграфики) о государстве. Основное отличие нашей точки зрения в том, что близкими к реальности (но не буквально ее отражающими) выглядят не отдельные детали, частности, а само абстрактное «государство КА», принципы и логика его построения.

Подробный анализ свидетельств КА убеждает, что в тексте отсутствует механизм управления действиями «чиновников» и представителей местных властей (назначение которых скорее всего в большинстве случаев находилось вне компетенции царя). В трактате обозначены лишь два канала взаимосвязи властных органов различного уровня — представители более низкого были обязаны содействовать представителям более высокого уровня частью своих ресурсов — передавать часть своих «доходов», податей, которые они собирали, «помогать» войском и т.п. Представитель же более высокого уровня имел право «наказывать» того, кто выходил за пределы своей компетенции, нарушал установленные (естественно, согласно концепции КА) порядки.

Кажется примечательным, что при более детальном рассмотрении функции представителей различных уровней власти выглядят во многом принципиально сходными. Чтобы показать это, рассмотрим ряд примеров. В КА IV.13.7—12 говорится, что если кучи, остановившиеся на ночь в деревне, будут ограблены, то они могут получить «возмещение» с «господина деревни», если это произойдет на пастбище — с «надзирателя за пастбищами», если вне пастбища — с того, кто ведет поимкой воров (*чорараджжука*), а если такового нет, платить должно «объединение 5—10 деревень». А.А. Вигасин отмечал важность этого отрывка — возможность компенсировать ограбление купеческого каравана показывает, что мы имеем дело с весьма состоятельными людьми. Обязанность компенсировать вытекает из функции «охраны» территории и населения, которая в индийских традиционных представлениях теснейшим образом связана с взиманием податей как «платы за охрану»¹⁴. Примечательно, что в данном отрывке имеются в виду два различных уровня власти, имевшие, по-види-

¹³ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 25.

¹⁴ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 147.

тому, аналогичные функции, — «объединение 5—10 деревень» явно более крупная структура, территориально пределы ее компетенции более широки. Не будет преувеличением, если предположить (учитывая обязанность этого «объединения» платить «возмещение», если ограбление произошло на его территории), что оно также осуществляло сбор податей в свою пользу, взимая их отчасти и через «господина деревни» и иных лиц, упомянутых в этом отрывке.

Существенно важно, что аналогичные рекомендации связываются в тексте и с лицами, положение которых было значительно более высоким, — с «надзирателем за судами», правителем гавани, способным отразить нападение врага (КА II.28.26), «хранителем границ» (*антапала*, КА II.21.25), похожим скорее на подчиненного государя, и с царем (см., например, КА I.13.5—12; III.16.23—25).

Указанный тип взаимоотношений реализуется в рекомендациях II книги КА на примере *адхьякиш*. Их основная функция — обеспечение доходами казны. Важнейшими путями для получения последних, как следует из текста, были сбор податей, штрафов и использование «царского» имущества¹⁵ (земли, рудники, товары). *Адхьякиш* передавали в казну часть своих «доходов» в качестве компенсации за право осуществления ряда царских prerogativ — сбора податей, штрафов и т.п. Но считать *адхьякиш* главами департаментов, соединять их в единую структуру администрации — ошибочное и бесплодное занятие. Сведения о «деятельности *адхьякиш*» — типовые рекомендации, касающиеся, очевидно, прав и обязанностей многих лиц, действовавших (практически бесконтрольно) в соответствующих сферах. Нельзя придавать значение видимости «централизованного руководства»: наличие в рекомендациях трактата одного «градоначальника» — не повод, чтобы утверждать, что авторы КА представляли себе царство с одним городом, последние вряд ли считали достаточным одного «надзирателя за пошлинами» с 4—5 подручными для сбора пошлин в рамках даже одного города. В КА не обозначены пределы компетенции *адхьякиш* (и это естественно для типовых рекомендаций), только в отдельных случаях мы можем догадываться, в рамках какой территории осуществлял свои функции тот или иной «надзиратель». Так, например, только в пределах одного города могли физически действовать «надзиратель за ткацким делом», «ювелир» (*сауварника*, в этом случае в качестве «чиновника» скорее всего выступает глава корпорации ювелиров, ср. КА II.14.2—4 и КА IV.1.4, 5, 7).

Нельзя считать *адхьякиш* и особым слоем, представителями определенной ступени администрации. Слишком широк круг лиц, обозначенных этим термином в трактате (от могущественного «надзирателя за судами» до *адхьякиш*, согласно КА II.9.8, получавшего поденную плату), слишком различным выглядит их положение в обществе. Скорее термином *адхьякиша* могли именоваться в КА представители различных властных общественных структур, главным образом в связи с исполнением ими соответствующих функций (подобное искусственное разделение, когда одно и то же лицо в зависимости от контекста обозначается различными терминами, вполне приемлемо для теоретического трактата).

В отдельных случаях мы можем утверждать, что некоторые «служащие» из II книги КА считались лицами, обладавшими довольно высоким положением. Так, «хранитель границ» (*антапала*) в КА II.21.24—26 характеризуется как служащий, обязанный осуществлять охрану дорог и тор-

¹⁵ Под «царским» имуществом здесь мы условно понимаем и личную собственность царя, и его собственность как суверена, то, что в КА декларативно объявлено «царским имуществом» (например, рудники).

говли, взимающий за это плату и возмещающий убытки, если они возникли по его вине. Но согласно иным сведениям трактата, он похож скорее на могущественного «вассала», государя, обладавшего крепостями (КА I.17.11; II.1.5), получавшего такое же содержание, что и царевицы (КА V.3.7) и участвовавшего в межгосударственных интригах (КА XII.5.25, см. также КА I.16.7; II.16.21). «Надзиратель за судами», согласно КА II.28.13, «пускал большие и малые корабли», возмещая потери, если они возникли по его вине (видимо, цену корабля и товара, КА II.28.26), действовал в торговой гавани как правитель. Ему предлагалось, «уподобляясь отцу» (характерное сравнение, когда идет речь о царе; «отцом» своих подданных считал себя и знаменитый Ашока Маурья), оказывать помощь кораблям, застигнутым бурей, в случае порчи товара предоставлять льготы или совсем освобождать купцов от пошлин, взимать пошлины (это при наличии специального *адхьякши* для этой цели) с заходящих в гавань кораблей, следить за порядком в гавани и отражать нападения пиратов или врагов.

Если должностные обязанности сводились главным образом к сбору податей, отчасти в пользу лица, занимавшего «должность», то мы вправе считать «служащим» любого представителя владетельной знати (например, упоминающихся в КА «начальников» городов, областей и пр.), а также зависимых государей — данников. Возможно, поэтому в КА VII.11—12 идет речь о договорах «об использовании» земель, рудников, лесов с ценной древесиной, а «предоставление денег», освобождение от податей и предоставление «должностей» считаются, согласно КА IX.5.11, мерами для успокоения «внутренних врагов царя».

Функции иных *адхьякши*, очевидно, могли исполнять представители более мелких общественных властных структур. Использование царских земель, разработка рудников, приисков — все это требовало людских и материальных затрат, которые не возмещались царем и казной. Поэтому соответствующими *адхьякшами* могли быть только лица, обладавшие властью, материальными ресурсами, высоким социальным статусом (местная знать, руководство кланов, главы крупных корпораций, являвшиеся богатыми землевладельцами, владельцами рудников и пр.), что позволяло им осуществлять сбор податей, отчасти в свою пользу. К этой группе можно отнести «надзирателей» за скотом, сырьем, пастбищами. Ряд *адхьякши* по роду своей деятельности, очевидно, был связан только с городом. И в этом случае мы будем вынуждены признать, что авторы КА использовали в своей «модели администрации» существующие городские структуры, прежде всего профессиональные и торговые корпорации, наделяя их глав обязанностями *адхьякши*. Мы уже отмечали¹⁶, что «браковщик монет» (*рупадарика*) в КА выглядит скорее как профессионал. меняла, что «ювелир» (см. выше) — являлся, по-видимому, главой корпорации ювелиров. К этой группе можно отнести и «надзирателей» за мерами веса, за печатями, за товарами, за изделиями из металлов. Следует подчеркнуть, что такое «распределение», естественно, очень условно, учитывая то, что рекомендации КА о «деятельности *адхьякши*» — типовые. Кажется безусловным лишь то, что авторы КА не представляли себе специальной налоговой (или иной) администрации. Нельзя не заметить, что функции одного и того же *адхьякши* могли исполнять разные по положению лица. Так, например, «надзирателем за рудником» мог быть и богатый владелец рудника, и знатный сановник — *махаматра*, и царевиц, учитывая то, что конкретная работа могла выполняться их слугами и помощниками (см., например, КА I.1.18). Такой подход к «службе» обозначен в КА I.18.2—4:

¹⁶ Лелюхин. Некоторые особенности... С. 76—77.

царевичу, не являвшемуся наследником, поручалось «дело», и он просил назначить «человека» (*пуруша*), который исполнял бы необходимые функции. Сам же царевич лишь получал «доход» и, передавая прибыль отцу, обеспечивал себе «содержание».

Тип отношений, обеспечивающий взаимосвязь властных структур в рамках царства (*раджья*), во многом был характерен и для наиболее крупной государственной структуры в КА — *мандалы*. Последняя представляет собой в трактате некое неравноправное объединение царств, включающее территорию «доминирующего» и зависимых государей (см. КА VI.2.24—27; VII.13.42).

Неоднократно в тексте рекомендуется «слабому» царю (*хина*) проявлять покорность, предоставляя более сильному часть «казны, войска или земли» (см., например, КА VII.2.7; VII.3.22). Передачу части ресурсов более слабого, зависимого царя более сильному фиксируют ряд неравноправных договоров, о которых идет речь в КА VII.3.22—36. Первый тип договора предусматривает передачу части войска или заложников, второй — единовременную или постоянную выплату дани, третий — передачу отдельной области, всех земель, кроме *мула* («ядра», третиной территории) или «сдачу в аренду» (предоставление права на сбор податей).

В КА VII.9—12 подробно обсуждаются достоинства и недостатки договоров о «союзнике, золоте, земле и делах», которые выглядят столь же неравноправными. Уже в КА VII.9.27—34 говорится о союзниках, предоставляющих «помощь людьми» (*пурушабхога*), золотом (*хираньябхога*) и землей (*бхумибхога*), т.е. повторяется типология договоров КА VII.3.22—36. Соглашения о земле, если исходить из содержания КА VII.10, сводились скорее всего к передаче права на часть «дохода» с определенной территории от одного царя другому. Иной альтернативы, судя по материалам КА, просто не было. Даже в случае завоевания области и устранения ее правителя (КА XIII.5) положение знати, местных властей не претерпевало особых изменений. Дело ограничивалось, как свидетельствует КА, только сменой некоторых «начальствующих лиц» (тех, что приносили вред или пытались погубить царя-завоевателя) их же родственниками, но и эта мера была, по-видимому, крайней. И родственнику врага, и сильному аристократу, рекомендуется в такой ситуации «давать землю», договорившись о выплате ими соответствующей дани, а устранять их, по мнению авторов трактата, следует только путем провоцирования недовольства населения (КА XIII.5.19—21). Большая же часть рекомендаций главы, названной «Об умиротворении приобретенной области» (КА XIII.5) содержит советы царю разными путями привлекать население и «начальников родов, селений, местностей», подчеркивая законность смены царя, неизменность традиционной структуры властей, порядков и нравов.

Аналогичными по сути были, видимо, договоры «о делах» (*кармасандхи*) и «о неустроенном» (*анаваситасандхи*). Традиционный список «царских дел» часто встречается в КА и иных источниках. Они обычно сводятся к «постройке укрепления, оросительного сооружения, обустройству пустоши, рудника, торгового пути, леса с ценными деревьями и со слонами». Основной вопрос, возникающий при рассмотрении этого списка, — как мыслится в трактате механизм их осуществления? Поэтому следует особо остановиться на КА V.1.39. Моделируемая здесь интрига предусматривает обращение царя к «изменнику-*махаматре*»: «Иди, набери в крепости или области войско или собери золото, или отними золото у *валлабха* (местного правителя), или уведи силой дочь этого *валлабха*, или осуществи одно из нижеследующего — постройку крепости, оросительного сооружения, обустройство торгового пути или пустоши, рудника, леса с ценной древесиной или слонами, (устройство) охраны местности или охраны границы,

и кто тебе станет противодействовать и откажет в содействии, тот может быть схвачен». Далее предлагается известить другого *махаматра*, чтобы он не подчинялся первому и т.д. Собственно интрига сводится к столкновению двух *махаматров*, действиям «тайных убийц». Сами приказы царя, очевидно, не должны были (по мысли авторов КА) вызывать сомнение у исполнителей и выглядят весьма примечательными. Сбор золота, войска, «увод» дочери *валлабха* скорее всего означает принуждение последнего выполнять то, что он обязался по договору с царем (по-видимому, аналогичному одному из обозначенных в КА VII.3.22—36). И, видимо, на территории этого *валлабха махаматре* предлагается осуществить «устройство охраны местности или границы» и иные мероприятия. Смысл такой «операции» очевиден — *махаматре* предлагается «поставить» (так чаще всего понимают эту фразу переводчики КА) нового «хранителя территории» или «хранителя границ», т.е. заменить одного правителя другим. Мы вправе предполагать, что и механизм осуществления «царских дел», упомянутых в этом отрывке, осмысливался аналогично — как предоставление определенным лицам права на сбор соответствующих податей, доходов от рудников, лесов и пр., т.е. практически как формирование структуры *адхьяки*, связанных с новым правителем, царем, посланным *махаматра*. Такого же рода действия предполагаются, по-видимому, и в КА VII.12, когда говорится о «соглашениях о делах». Последние скорее всего фиксируют передачу «доходов» от города, рудника, леса, которые находятся на территории определенного царства, иному царю, механизм их отчетливо вписывается в предложенный в КА VII.3.34 «договор — аренду» (*авакрая*).

КА VII.11 начинается фразой: «Ты и я, мы оба обустроим пустошь — таково „соглашение о неустроенном“». Однако в этой главе не предполагается совместных или паритетных действий. Первая ее часть — рекомендации, какую землю, рудник и пр. следует выбирать царю, во второй же (КА VII.25—46) речь уже идет о передаче земли, подчинение которой требует больших потерь и расходов. Как «покупатели» (*кретар*) такой земли здесь названы различного рода цари, «могущественный человек нецарского рода» и пр.

Большая часть критериев (из обозначенных в КА VII.11.2—9), руководствуясь которыми царю рекомендуется выбирать наиболее выгодную территорию (плодородность, небольшие затраты на обработку и пр.), позволяют считать неправомерным отождествление «пустоши» (*шунья*) с «необработанной землей», «договоров о неустроенном» — с союзами для совместного освоения, колонизации пустующих земель. Тем более что в главе речь идет уже главным образом о «земле» (*бхуми*). Сам процесс «обустройства», как следует из текста, имел целью не только «использование зерна» (*дханьябхога*), но и «использование рудников» (*кханибхога*), «использование лесов с ценной древесиной и слонами» (*дравьяхастива-набхога*), т.е. целью «договоров о неустроенном» было, по-видимому, также получение царем новых доходов от новых земель.

Сам по себе термин «пустошь» (*шунья*) здесь, видимо, характеризует не столько физическое состояние земли, сколько отсутствие ее владельцев, властей (см., например, КА IX.3.39: «Или, привлеки на свою сторону противника, внешнего врага, доверяющего мне, я погублю, или его исконную землю, оставшуюся пустой, я захвачу»). Не случайно поэтому в КА появляется несколько странный «служащий» — «хранитель пустоши» (*шуньяпала*), который в отсутствие царя осуществлял функции регента (КА IX.3.10; XII.2.25—28), устранил по приказу последнего изменников — *мукхьев* (КА XII.3.5, 7, 9). Очевидно, что и в КА VII.11 имеется в виду договор о приобретении новой земли, позволяющий царю получать новые

доходы. Поэтому «земля с разобщенным населением» кажется авторам КА лучшей, чем та, где жители составляют «объединения» (*шрени*). Первую легче использовать при отсутствии властных структур «шрени», которые трудно подчинить и заставить платить, которые могут являться объектом «подговоров врага», пользователями части дохода, полученного с этой земли.

Таким образом, основной целью договоров, весьма условно разделенных в КА VII.9—12 на «договоры о союзнике, земле, золоте и делах», было обеспечение обязательств выплачивать дань, помогать военной силой, получение новых доходов от земель, рудников и пр. (в конечном счете новые территориальные приобретения).

Одной из основных посылок, исходя из которых исследователи обычно пытались анализировать сведения КА о государстве, структуре его управления, администрации, было представление о том, что цель трактата — изложение рекомендаций по управлению государством и по внешней политике. В самом же тексте цель «Артхашастры» определяется иначе: «Средство для приобретения и защиты той (населенной людьми) земли — наука *артхашаастра*» (КА XV.1.2; см. также КА I.1.1). «Защита» понимается в КА очень широко, как сохранение традиционной структуры власти, порядков, обычаев, норм жизни. Она предусматривает меры не только против внешних врагов, но и против внутренних — преступников, изменников, воров, в том числе лиц, исполняющих функции *адхьякиш*, если они собирают больше податей, чем положено (и, соответственно, «поедают *джанападу*», приводя людей к возмущению), утаивают часть средств, которые они обязаны были бы передавать в казну («поедая», таким образом, «имущество царя»). И приобретение земли, завоевание осмысливается в КА не просто как поглощение одним царством другого, а как постепенное подчинение, создание и все большее расширение «своей *мандалы*» государем (см., например, КА VII.13.42; 16.33; XIII.4.54—61). *Мандала* выступает в трактате не только как образец крупной государственной структуры, но и как своеобразный алгоритм построения традиционного миропорядка, социальной политической структуры общества. Принцип построения *мандалы* (единство в рамках одной структуры территорий доминирующего и зависимых, подчиненных царей) приложим в КА и к структуре царства и, по-видимому, к социально-политической структуре общества в целом. Не случайно в тексте не раз рекомендуется царю не посягать на имущество или наследство зависимых правителей, сановников (КА V.1.55—56; VII.16.26—33; VII.18.20—22; XII.2.31—32), ибо в таком случае против него «поднимется вся *мандала*», предлагаются как меры по достижению «одобрения *мандалы*» — заключение договоров со «слабыми» государями, если они проявляют покорность (КА VII.3.10, см. также VII.2.14), отказ от претензий на «исконную» (*мула*) землю своего союзника. Противоположные действия понимаются в КА как нарушение традиционной структуры властей, политической упорядоченности мира. Соответственно они ведут к дисбалансу всей системы, к возмущению представителей иерархии «правителей», проявляющих беспокойство о своей безопасности. Именно представления об иерархии «правителей» различного уровня, о социально-политической структуре общества, «политическом» аспекте миропорядка являются основной системой координат в рекомендациях трактата. Поэтому поразительно сходными выглядят в тексте взаимоотношения царя с иноземными правителями и с «сановниками-*махаматрами*» в собственном царстве¹⁷, рекомендации по «внешней» и «внутренней» политике, интриги, модели-

¹⁷ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 150 сл.

руемые в КА для устранения враждебно настроенных царей, зависимых правителей, *махаматров*, *адхьяки* и пр. Большинство представителей иерархии «правителей», как мы уже отмечали, согласно представлениям авторов КА, осуществляли, по-видимому, одни и те же функции, принципиально одинаковыми были скорее всего их взаимоотношения. Поэтому «царство» в КА — лишь ступень традиционного миропорядка, элемент социально-политической структуры общества (хотя и важнейший), царь — лишь представитель иерархии «господ», каждый из которых наделен в КА соответствующими, сопоставимыми с «царскими» правами и обязанностями.

Принципиально единый подход к характеристике этих «господ» ведет к естественной контаминации понятий, терминологии. Так, нередко «царство» рассматривается в КА как «домохозяйство», где царь выступает в качестве «главы», «кормильца» (*бхартар*), все подчиненные его именуются «слугами» (*бхритья*), а отношения между царем и представителями иных властных структур осмысливаются в словах, передающих личные отношения («друг», «сподвижник», «спутник», «отец — дети»)¹⁸. Однако в ряде случаев такие «слуги» или «друзья» сами являлись царями и, очевидно, имели свой круг «слуг», «друзей» и т.п. С другой стороны, в тексте есть и примеры обратного характера: так, «слуга» (*ануджвин*) царя сам мог иметь «партию сторонников» (*пакша*) и «друзей-союзников» (*митра*, см. КА V.4.7; 5.14—15), *адхьякиша* — сильную «партию сторонников, состоящую из советников, союзников, слуг и родственников» (*мантримитра-бхритьябандхупакша*, см. КА II.9.25). И царь (КА VII.6.24, 26), и *махаматры* (КА V.6.34), и управляющий деревней (КА IV.13.8), и любой человек, обладающий властью над рабом, слугами, землей, домом и т.п., именуются в тексте одним термином — *свами* («господин»). «Соседями» (*саманта*) называются в тексте землевладельцы, главы семейств, объединенные в рамках определенной общественной организации (община, селение, квартал), а также зависимые государи, включаемые в рамки «царства», *мандалы*.

Поскольку политическая структура общества осмысливается в КА персонифицированно, как иерархия «господ», «правителей» различного уровня, многих из них можно считать «главами государств»¹⁹, различных по масштабу. Причем естественным выглядит включение одного такого «государства» (т.е. территории, подвластной определенному правителю) в рамки другого, более крупного в качестве его составной части, одной из территорий, подчиненных правителю более высокого уровня и т.д. Анализ терминологии КА позволяет считать государством и *мандалу*, и «царство» (*раджья*), и «объединение» (*сангха*), и владения зависимых «соседей» (*саманта*), «союзников» (*митра*), «начальствующих лиц городов и сельской местности» (*пурараштрамукхья*) и пр. При этом *мандала* выглядит как конгломерат «царств», но и последние представляются как объединения территорий, подвластных различным царям, — «соседям» или «союзникам», «начальствующим лицам». *Сангха* в тексте понимается как политическое объединение знати, правители ее именуются *мукхья* (начальствующее лицо) или *раджан* («царь»). Она же, как следует из КА XI.1.3, 15—19,

¹⁸ Там же. С. 148—149.

¹⁹ Можно отметить ряд примеров, когда очевидно мелкие общественные структуры расцениваются в КА как политические образования. Так, при изложении рекомендаций по устранению политических противников царя (сановников, подчиненных царей), одна из предлагаемых интриг направлена против «изменнически настроенных городов, селений, семейств» (КА V.1.43—44, очевидно, имеются в виду их руководители). См. также КА XIII.3.3; IX.6.72.

могла быть сама покорена и, очевидно, включена в рамки более крупной государственной структуры²⁰.

Отождествление КА с комплексом «практических» рекомендаций по управлению государством вело обычно исследователей к предположению о том, что в тексте под каждым «административным» термином подразумевается конкретная должность и лицо, ее исполняющее. Между тем в КА большинство терминов закрепляют за определенным лицом лишь функцию, но не свидетельствуют о его статусе, месте в социально-политической структуре общества (как, впрочем, и в структуре предполагаемой «администрации»), одно и то же лицо в КА в зависимости от контекста может именоваться различными терминами²¹. Так, например, цари именуются «сосед», «друг-союзник», «враг», «господин» и пр. Очевидно, в каждом таком случае термин следует толковать: «царь, являющийся соседом», «царь, являющийся союзником» и т.д. Однако в тексте один и тот же царь может обозначаться в разных контекстах всеми указанными терминами, кроме того, так же могли обозначаться и лица, не являвшиеся царями.

Ряд терминов, закрепляющих представления о социально-политической структуре общества, иерархии «правителей», выглядят в трактате базисными, основными. Это прежде всего термины *мукхья* («начальствующее лицо»), *махаматра* («сановник») и *раджан* («царь»)²². Первым обозначаются различные «начальники» от главы семейства до правителя города или области, с которыми рекомендуется вести переговоры через посла. «Царем» именуется в тексте и владыка *мандалы* (объединяющей несколько царств), и правитель одного определенного царства, и зависимый государь, владения которого являлись составной частью определенного царства. В отдельных случаях грань между «начальниками», «сановниками» и царями становится неразличимой. Так, из КА V.1.15; 6.16 следует, что *мукхья* или *махаматра* вполне могли заменить царя на троне, но иногда они толкуются в тексте как зависимые правители. С другой стороны, враждебно настроенные подчиненные государи в КА V.1.53—55 толкуются, подобно «сановникам-махаматрам», как «изменники» (*душья*), а не как «враги». Термины *мукхья*, *махаматра*, в отличие от большинства иных в трактовке характеризуют только изначальный статус лица, ничего не говорят о деятельности, роли последнего в рекомендациях КА. Авторы трактата, подробно рассуждая о достоинствах и обязанностях даже мелких служащих, «тайных агентов», не сообщают ничего подобного о *мукхьях* и *махаматрах*. Они, очевидно, не назначались царем, а получали соответствующий статус по рождению или иными путями. Все это выделяет указанные термины из массы иных, используемых в трактате.

²⁰ Следует подчеркнуть, что термин *сангха* (как и *шрени*) в КА не подразумевает определенный статус обозначаемой им организации, характеризует лишь форму осуществления власти, «не единоличное» правление, противоположность «домохозяйству», «царству». Так в тексте обозначаются общины, корпорации и так называемые «республики», «немонархические объединения».

²¹ Следствием непонимания характера терминологии КА было то, что все известные нам попытки воссоздать структуру «администрации КА» базировались на весьма вольном толковании источника. Ошибочность традиционного подхода к его сведениям показывает и то, что *адхьякши*, основных (по мнению большинства исследователей) представителей государственного аппарата, например, Х. Шарфе, опираясь на КА IV.4.9—10; V.3.13, считал мелкими деревенскими чиновниками, Б. Брелер — представителями провинциального аппарата, возглавляемого *самахартром* («сборщиком»), а иные индологи — руководителями общегосударственных ведомств.

²² Реже в КА встречаются термины *прадхана* («большой человек»), *свамин* («господин»), *бхартар* («хозяин, кормилец») аналогичного характера.

Разбирая сведения КА об *адхьякшах* и иных лицах, о которых идет речь во II книге трактата, мы отмечали, что указанная книга содержит общие типовые рекомендации, относящиеся ко многим лицам, действовавшим в той или иной области хозяйства, осуществлявшим государственные функции. Отсутствие обозначения пределов компетенции для *адхьякши*, конкретных указаний о статусе лиц, которые могли исполнять их обязанности, позволило нам считать термин *адхьякша* функциональным и ставить вопрос иначе: кто выполнял функции *адхьякши*? Рассмотрение же сведений КА привело нас к выводу, что функции эти исполнялись представителями существовавших общественных структур — знатью, руководством кланов, корпораций ремесленников, общинных организаций различного уровня, зависимыми государями и приближенными государя, т.е., в конечном счете, прежде всего именно теми лицами, которые именуются в тексте *мукхья*, *махаматра* и *раджан*. Это кажется справедливым, учитывая то, что в тексте упоминаются «начальствующие лица» городов, областей, организаций, построенных по общинному принципу (*пурараштрамукхья* в КА I.16.7; II.16.21; *дешакуладжатисангхамукхья* в КА XIII.5.9; *шренимукхья* в КА XIII.3.1—7 и др.), а «18 главных должностных лиц государства» (*тиртха*), список которых дан в КА I.12.6, по-видимому, исходя из КА I.13.1 считались *махаматрами*.

КА — трактат, содержащий наставления любому царю, излагающий государственную мудрость как таковую. Логичен поэтому вопрос: как мыслилось в КА обеспечение единства царства при столь нестабильной социально-политической структуре общества? Важным элементом концепции КА, обеспечивающим в теории относительную стабильность царства, были представления о лицах, именуемых *аматья*. Термин этот, которым в *грихьясутрах* обозначали «домашнего слугу» царя, в переводах обычно толкуется как обозначение министра или чиновника, что, по нашему мнению, ошибочно. Примечательно, что и комментарий конца I тыс. н.э. «Упадхьяянирапекша» на «Нитисару» Камандаки, политический трактат, составленный в стихах в русле традиции *артхашастры*, также толкует термин *аматья* прежде всего, как обозначение «домашнего слуги» царя.

В первых же главах КА царю рекомендуется, избрав из среды близких, знакомых и преданных ему людей (*пуруша*), обладающих соответственными достоинствами, давать им «сан *аматьи*» (КА I.8.29). Испытав их (КА I.10), он мог поручать им различные ответственные «дела» (*карман*) и назначать на важные придворные должности. Во многих случаях в КА *аматьями*, очевидно, обозначали лиц, обладавших высоким статусом, значительным объемом власти (см., например, КА I.8; V.6). Не случайно при изложении способов «испытания *аматьев*» в качестве одного из испытываемых фигурирует *махаматра*, да и сами «испытания» во многом сходны с интригами, моделируемыми для «законного» устранения изменников — *махаматров*, зависимых царей и пр. в КА V.1 и других главах трактата. Однако вряд ли можно считать *аматьев* только доверенными чиновниками, искать их место в социально-политической структуре общества или в государственном аппарате. Термин этот фиксирует лишь соответствие того или иного лица определенным достоинствам, важнейшими из которых являются лояльность и преданность своему государю. Соответствие «достоинствам идеального *аматьи*» (*аматьясампад*) — один из элементов концепции КА. Это важнейший критерий при определении полномочий посла (КА I.16.1—4); обладающий половиной этих достоинств толкуется лишь как «приносящий послания» (*шасанахара*). Достоинствами *аматьи* должны были обладать царский писец (КА II.10.3), «все *адхьякши*» (КА II.9.1). Судьи, лица, исполняющие судебные-следственные функции (*прадештары*), «сборщик», «хранитель», «советник» характеризуются в тексте как «*аматьи*»

(КА I.10.13—14; III.1.1; IV.1.1); советники, входящие в *мантрипаришад*, совещательный орган при царе, именуются в КА I.15.47 *аматьями*. Достоинства «идеального *аматы*» перечислены в главе, названной «избрание советника и *пурохиты*» (очевидно, термином *аматья* здесь заменен более конкретный термин *мантрин*). Вместе с тем, сравнение КА I.8.13 и КА I.10.13 позволяет считать термин *аматья* изначально никак не связанным с исполнением каких-либо функций (можно быть *аматьей*, не занимая никаких должностей и, с другой стороны, занимая должность, не быть *аматьей*).

Скорее всего под «внутренними *аматьями*» (*антараматья*), мятеж которых, согласно КА VIII.2.3 считался наиболее опасным для царя, подразумевались «18 главных лиц государства» (*тиртха*), перечисленные в КА I.12.6. В КА IX.3.20 говорится: «Возмущение (иных) внутренних *аматьев* — возмущение одного из внутренних *аматьев*, кроме советника и других». Последняя оговорка логична, ибо чуть раньше говорится об устранении «возмущенных советника, *пурохиты*, военачальника и наследника» (КА IX.3.12—19; в КА I.12.6 — это первые четыре *тиртха*). «Иные внутренние *аматьи*» — по-видимому, остальные *тиртха*. Примечательно, что комментарий «Наячандрика» демонстрирует аналогичную точку зрения, толкуя *антараматья* в этой фразе: «Главный привратник, глава дворцовой охраны и другие», буквально продолжая перечисление *тиртха* в той же последовательности, что и в КА I.12.6.

Весьма примечателен и смысл полемики в КА VIII.1, 6—18: по «мнению» Бхарадваджи, «пороки *аматьев*» (*вьясана*) более чреваты последствиями, чем «пороки царя», ибо от *аматьев* зависят «успех совещаний», «исполнение дел», «осуществление расходов и получение доходов», «наложение наказаний», «помазание царевичей» и пр. Но исполнение указанных в КА VIII.1.8 дел связывается с «советниками», *пурохитой*, *адхьякшами* и иными лицами. Мнение Бхарадваджи явно сводится к мысли, что в том случае, если функции эти исполняют «порочные *аматьи*» (т.е. нелояльные, изменчески настроенные советник, *пурохита* и пр.) или *не-аматьи*, то подобное бедствие — хуже, чем порок государя. Весьма характерны и «возражения» Каутильи. Он исходит из того, что царь занимает «главенствующее положение» (КА VIII.1.18) по отношению к тем, кто исполняет важные для царства дела, сам осуществляет «использование *адхьякш* и группы слуг, состоящей из советника, *пурохиты* и других» (КА VIII.1.13, группа слуг — это опять те же *тиртха*), заменяя «порочного *аматью*» обладающим должными достоинствами, оказывая почести заслуживающим это и наказывая изменников.

Термин *аматья* занимает важное место в трактате, ибо он отражает идеал политической теории. Соответствие «идеальным достоинствам *аматы*» (лояльность, преданность государю, покорность и пр.) — важнейший, по-видимому, критерий для всех служащих царя; идеальное царство, то, в котором на всех ключевых постах, во всех властных структурах находятся *аматьи*. Не случайно именно последние чаще всего фигурируют при перечислении элементов «семичленного государства» (*саптанга*) в качестве второго элемента. Аналогичную роль в *мандале* играли скорее всего лица, именуемые *митра* («союзник»), важнейшим достоинством которых в тексте не раз провозглашается «покорность». Единство любой государственной структуры, по мысли авторов КА, обеспечивалось во многом преданностью, лояльностью, покорностью непосредственного окружения царя, «правителей» более низкого уровня по отношению к своему «сюзерену». Как обеспечивать такое единство — раскрывают многие рекомендации трактата.

Политическая структура общества в КА осмысливается персонифици-

рованно, как иерархия «господ», правителей разного уровня. Царство в трактате — некий конгломерат территорий, подвластных царю и его клану (*мула*, исконная территория), зависимым царям — «союзникам», «соседям», различным «начальникам», «сановникам», главам организаций общинного типа и т.п., т.е. как некое «объединение правителей» более низкого по отношению к царю уровня. Естественно, основной целью «внутренней политики» царя должно было быть обеспечение единства царства, покорности его правителей. В связи с этим авторы КА вводят понятие *пакша* («партия», «группа сторонников»), позволяющее разделить массу «правителей», «начальников» и пр. на две большие группы — сторонников («партия лиц, не склонных к измене», «своя партия», «друзья», «союзники») и противников («партия лиц, склонных к измене», «партия противника», «внутренние и внешние враги»). Соответственно этому разделению и строится политика государя, направленная чаще всего персонально на поощрение и увеличение числа сторонников, а также на ослабление, раскол и устранение лиц, склонных к измене, врагов, сторонников противника (даже потенциальных).

Вместе с тем нельзя не учитывать, что структура каждой политической единицы, каждой территории, включенной в рамки царства, была скорее всего аналогичной структуре царства, представлялась как объединение территорий, подвластных «правителям» еще более низкого уровня и т.п., вплоть до домохозяйства или общины. Соответственно каждый представитель иерархии «господ» мог обладать своей «партией сторонников». Авторы трактата советовали учитывать ее силу, считаться с лицами, обладавшими «партией сторонников». Так, в КА II.9.24 отмечается: если *адхьякша* обладает «партией сторонников», у него нельзя отобрать имущество (*артха*). Предлагается, чтобы «тайный агент» получил сведения о его «партии сторонников, состоящей из советников, слуг, союзников и родственников», о поступлении к нему доходов и пересылке им имущества, о его контактах с врагом, и лишь затем можно устранить такого *адхьякшу* якобы за измену, обнаружив у него «послание врага» (КА II.9.25—27). Вся интрига, очевидно, имеет цель показать законность кары, чтобы не вызвать возмущения «партии сторонников» этого *адхьякши*.

Весьма примечательно и содержание КА II.9. Нет сомнения, что здесь говорится об *адхьякшах* (см., например, КА II.9.1, 18—31). Но рекомендации как будто бы внутрисоветного, «административного» характера имеют зримый «политический» оттенок. Так, кроме рассмотренного выше фрагмента, в КА II.9.5—6 предлагается, чтобы *адхьякши* выполняли дела, «не будучи связанными» друг с другом (союзом?) и «не враждующими». Совет учитывать наличие «партии сторонников» у *адхьякши* и устранять таких только имея законный повод, создавая его с помощью интриги, явно связан с предшествующим фрагментом (КА II.9.20—23). Здесь перечислены те, кому царь должен был «препятствовать», лишая их, видимо, права исполнять функции *адхьякши* — «расточающий наследство, немедленно растрачивающий то, что получает, скупой (или жадный)». Любопытно, что в КА VII.13.13 эти же лица (или лица, имеющие такие же характеристики) выступают как «несправедливые цари», которых рекомендуется атаковать с тыла.

Обладание «партией сторонников» в КА — характерный признак многих «правителей» разного уровня. Нередко в качестве таких сторонников выступают правители более низкого уровня («союзники», «родственники» и пр.). Так, в КА V.1.3 совет привлекать «партию лиц, склонных к измене» (см. также КА I.14) явно касается тайных противников сановников — *махаматров*, *мукхьев*, но не царя. В КА IV.1.9—11 предлагается тайно убить брата сановника-изменника, ранее просившего у брата доли наследства

(и в результате отказа ставшего его противником). Затем, приняв сторону «партии сторонников убитого» (*хатапакша*), следовало устранять этого сановника. Вместе с тем, в этой же главе предлагается использовать «тайные методы» по отношению к «своей партии» царя и «партии его противника», явно состоящей из *махаматров*, *мукхьев* и подчиненных царей. *Аматье*, выполняющему функцию регента, рекомендуется привлекать на свою сторону «начальника» (*мукхья*), если он обладает «партией сторонников», или отправлять его в опасный поход, чтобы устранить с помощью «тайных убийц» (КА V.6.8), — действия эти были обусловлены, видимо, потенциальной опасностью последнего для наследника трона. Царь, согласно КА XIII.3.36, мог изгонять верных «начальников» городов, областей или войска под предлогом их принадлежности к «группе лиц, склонных к измене», чтобы они, перейдя на сторону врага царя, способствовали расколу сил последнего и его поражению. В КА XIII.3.2 аналогичная рекомендация связывается уже с «начальником *шрени*» (*шренимукхья*) и его «партией». «Губящий союзника» (КА VII.13.18—19, явно имеется в виду царь — союзник) толкуется как «губящий свою партию». Царю, обладающему «слабой партией» (*хинапакша*), предлагается приобретать «партию сторонников, состоящую из родственников и союзников» (*бандхумитрапакша*, КА VII.14.14). Царю, находящемуся между двумя сильными врагами, в КА VII.2.23 предлагается прибегать к помощи царей «нейтрального», «срединного» или «царей, принадлежащих к их партиям» (*матпакшинам раджанм*).

Постоянная политическая активность, деятельность государя по увеличению «своей партии», привлечению сторонников, а также по устранению лиц, принадлежащих к «партии противника», или лиц, склонных в силу ряда причин к измене, — суть политики царя в «теории» КА; с деятельностью такого рода связаны большинство рекомендаций трактата. Не случайно проблема формирования «партии сторонников» рассматривается в одной из первых глав КА (I.13—14). Однотипность социально-политической структуры общества, по представлениям авторов трактата, наличие «партий» у «правителей» разного уровня (владыки *чандалы*, царя, *мукхья*, *махаматра* и пр.) обуславливают также и одинаковый подход, сходство рекомендаций по «внешней» и «внутренней» политике, отношений царя с «сановниками» и иными государями.

Следует подчеркнуть, что и политика завоевания, покорения иных царств рассматривается в КА в тесной связи с мерами по формированию «своей партии» в стране врага, т.е. не как прямая агрессия, а как постепенное переманивание на свою сторону представителей «партии противника».

Первым делом посла после его отправки в иное царство, согласно КА I.16.7, было «общение» с «начальниками городов и областей, хранителями границ и вождями лесных племен» на территории противника. Применение «шести методов внешней политики» (*шадгуньям*) связывается сразу же с исполнением соответствующих «дел» (*карман*) по устройству крепости, оросительного сооружения и пр. (см. о них выше). Успех царя в их осуществлении и способность «вредить» таким же «делам» врага — важный критерий при выборе соответствующих «методов политики» (см. КА VII.1). Очевидно, что эти «дела» царь осуществлял через «правителей» более низкого уровня — *мукхьев*, *махаматров* и пр. (см., например, КА V.1.21, 39) и от их верности государю зависело положение последнего. Не случайно царю в КА VII.1.32 предлагается «переманивать людей врага» обещанием милостей, освобождения от налогов, большей выгоды (для такого лица) при исполнении дел.

Социально-политическая структура общества, государства (как она представлялась авторам КА), видимо, обуславливала отсутствие необходимости в сколь-нибудь развитой хозяйственной администрации, в КА она практически незаметна. «Управление» собственными владениями царя и его клана (*мула*) осуществлялось, по мысли авторов КА, аналогично «управлению» иными территориями царства. Общины, общинные объединения, местные власти платили традиционные подати областным «начальникам», часть сумм последние передавали в казну. В случае неуплаты или превышения ими своих полномочий, пределов своей компетенции, царь «наказывал» их или устранял как «изменников», «преступников» или «врагов». Определенных забот требовали лишь казна, кладовые, войско, охрана царя и иные службы двора. Но и в этих сферах ключевые посты занимали представители знати, которых считать исключительно чиновниками нельзя.

Авторы КА не представляли себе «государства, издающего законы», но и «государство, собирающее налоги», понималось ими довольно своеобразно. В трактате совершенно не предусмотрена специальная налоговая администрация. В фискальных целях, как мы постарались показать выше, использовались скорее всего существующие общественные структуры, руководство общин, общинных объединений, корпораций, владетельная и служивая знать и пр. Предлагалось широко передавать права на сбор податей, использование «царского имущества» *адхьякшам*. При таких условиях, объективно, задачи «администрации» резко сужались, сводились лишь к контролю за правильной и своевременной передачей соответствующих сумм и товаров представителями властных структур, которые использовались в фискальных целях (естественно, согласно концепции КА), исполняли функции *адхьякш* и иных «чиновников».

Основной задачей царя и его «администрации», по представлениям авторов КА, как мы уже отмечали, была «защита» царства и населения, которая понимается в трактате довольно широко. Но и в случае осуществления всех предлагаемых рекомендаций, направленных на стабилизацию политической и экономической структуры царства, последнее не могло выглядеть стабильным. Лояльность, верность и покорность — категории явно не постоянные, а «честность» (для *адхьякш*) — еще более преходящая. Конечно, относительная стабильность царства мыслилась в КА как обусловленная прежде всего политикой царя, постоянно занятого формированием своей «партии» сторонников, своей *мандалы*, следившего за честностью и верностью правителей более низкого уровня, особенно при перераспределении «доходов», устранявшего изменников, врагов, преступников в самом широком смысле слова (прежде всего во властных структурах), заменявшего их на их более лояльных и честных родственников, стремясь (в большинстве случаев) сохранить преемственность власти на любом уровне. В числе основных проводников политики царя помощниками, осуществляющими соответствующие меры карательного характера, проверку честности и лояльности сторонников царя на любом уровне, были многочисленные в КА «тайные агенты».

Основное значение первых глав трактата, содержащих рекомендации о политике — меры по формированию «своей партии» царя на своей и чужой территории. Они связаны прежде всего с подбором *аматьев* и действиями через «тайных агентов». Последние активно участвовали в испытании *аматьев* (КА I.10.4, 6 и пр.), следили за «18 главными должностными лицами государства» (*тиртха*), горожанами и селянами (КА I.12.6; I.13.1), вели пропаганду в пользу царя в своей области и в области врага (КА I.13.2—15; 14.6—10), склоняя на его сторону различных «недовольных», приобретая царю новых «сторонников». «Тайные агенты»

в концепции КА — одно из важнейших средств стабилизации структуры государства, наиболее похожий на реальный и, возможно, единственный (в представлениях авторов трактата), кроме войска, канал управления государством. Из всех лиц, упомянутых в КА, именно их (наряду с писцами, счетчиками и «людьми», *пуруша*) можно с наибольшей долей уверенности считать служащими.

Крайне важной (хотя и не столь заметной) представляется роль «тайных агентов» во II книге КА. Концепция идеального государства здесь представлена несколько в ином, «фискальном» ракурсе, с использованием иной терминологии. Большинство *адхьяки* наделено в трактате значительным объемом прав, царство в этой книге выглядит раздробленным по «хозяйственному», или «отраслевому», принципу (политическая деятельность для *адхьяки* не предусмотрена). И соответственно основной критерий деятельности *адхьяки* — «честность», правильность сбора «доходов» и передачи должной части в казну. Критерий этот имеет политическую окраску, привязывается к рекомендациям о политике (так, собирая больше, чем положено, *адхьякша* провоцирует недовольство населения, а передавая в казну меньше — присваивает имущество царя, ослабляя казну и т.д.). Правильность перераспределения «доходов» между *адхьякшей* и казной как будто бы подкреплялась «отчетами», но авторы КА весьма скептически оценивали результативность такой меры (поэтому идея «отчетности» дополняется весьма прозрачными стихами КА II.8.21, показывающими ее бесполезность, перечислением 40 способов казнокрадства и т.д., см. КА II.8.21). Наиболее логичным выглядит здесь вывод Каутильи: только через «тайного агента» можно проверить, расхищает или нет служащий (КА II.9.12 и др.). Именно «агенты», по мысли авторов трактата, обеспечивали контроль никак не связанных между собой *адхьяки*. В данном случае они действовали, возможно, под руководством *самахартра* («сборщика»), обязанностью которого было обнаружение, поимка и наказание преступников (нечестный *адхьякша* считался преступником, см. КА П.35.8—15; КА IV.4). Согласно сведениям КА IV.4, «тайные агенты» также контролировали деятельность судей, деревенских старост и иных лиц.

Нельзя не отметить значение *самахартра* в рекомендациях КА. В ряде случаев именно он выступает как основной исполнитель царских функций по «охране *джананады*» и по «искоренению преступников». Причем подчеркивается, что он лишь помогает царю исполнять его обязанности, действует только от имени последнего и к его благу. Так, например, в КА IV.5.14 предлагается, чтобы он, узнав через «тайного агента», что кто-либо похитил «хотя бы палку или плеть», показывал такого вора жителям, говоря: «Таково могущество государя» (см. также КА IV.5.13, 18). Далеко не всегда можно ясно понять, к кому обращены некоторые рекомендации во II, IV и иных книгах трактата — к царю или *самахартру*.

И все же, по-видимому, большая часть содержания II книги КА связана с деятельностью *самахартра*. Здесь последовательно доказывается необходимость «тайного контроля» (КА II.6—9), раскрывается его механизм в самой общей форме (КА II.35) и довольно подробно предмет контроля (КА II.11—34). Не случайно поэтому здесь регламентируются права и обязанности *адхьяки* (естественно, это теоретический, идеальный вариант), конкретные суммы податей, которые они могли собирать отчасти в свою пользу и, что следовало бы подчеркнуть, штрафы *адхьякшам* (см., например, КА II.21.11; 23.14; IV.9).

Очевидно, что *самахартр* использовал в своей деятельности «тайных агентов», несколько раз в тексте упомянуты «люди *самахартра*» (скорее всего такие же «агенты»). *Гона* (букв. «паствух») и *стханика* (букв. «местный»), возможно, были его подчиненными или исполняли аналогичные

функции в рамках более мелких территорий²³. Однако считать *самахартра* только чиновником, главой «налогового» ведомства, полиции или того и другого одновременно было бы заблуждением. Как следует из текста, *самахартром* мог стать человек, обладающий статусом *махаматра* (КА I.12.6), рекомендуется, чтобы он был «сподвижником» (*аматья*) царя, способным осуществлять соответствующие функции. Видимо, должность его считалась наследственной (КА XII.2.32, ср. КА I.10.3). Царь не мог, скорее всего, сместить его, для устранения *самахартра* требовалось организовать соответствующую интригу (как и для устранения изменников *мукхьев*, *махаматров*, зависимых царей), провоцировать возмущение населения (КА XII.2.29—32). И хотя в КА V.3.5 ему определено довольно значительное «содержание», есть повод считать, что главным для *самахартра* были собственные интересы, собственные источники дохода (КА VIII.4.33). И, наконец, самое важное — в тексте не обозначены пределы его компетенции, как и для большинства иных служащих. *Джананада*, в которой действовал *самахартр*, может пониматься и как обозначение всего царства, и как его часть (последней точки зрения придерживался, например, Б. Брелер), и тогда мы будем вынуждены говорить о нескольких таких служащих.

И все же нам представляется наиболее вероятным, что *самахартр* понимался авторами КА как один из главных помощников царя, занимавший положение, аналогичное тому, которое имели в более поздних государствах «главный министр» или «везир». Будучи знатым, могущественным человеком, обладая высоким статусом, и скорее всего значительными доходами, он исполнял важные государственные функции, проверяя через своих (или царских) людей («тайных агентов») *адхьякиш*, устраняя преступников и обеспечивая «защиту» (в самом широком понимании слова) царства.

Довольно значительной была, в представлениях авторов КА, роль «тайных агентов» и в обеспечении стабильности наиболее крупной государственной структуры в трактате — *мандалы*. Широко известна точка зрения, отраженная во многих памятниках древнеиндийской литературы, согласно которой считалось, что столкновение войск — последнее средство в политике. Более перспективным представлялись дипломатические и «тайные» интриги, организация «раскола» среди сторонников врага и «тайные меры» по устранению последнего. Все эти действия, по мысли авторов КА, обеспечивались «тайными агентами».

На любом уровне «тайные агенты» функционально выглядят обеспечивающими хотя бы относительное единство и царства, и *мандалы*. Через них царь осуществлял свои «обязанности»: защищал подданных, поддерживал порядок и законность, выявлял и устранял «преступников» любого рода (воров, изменников, врагов), «осуществлял наказания». И они были важнейшими помощниками царя при формировании «своей партии», «партии сторонников», являясь наиболее активными проводниками политики царя, способствуя единству государства. «Тайные агенты», согласно КА V.3.22—24, получали жалование (это именно те же «агенты», о которых говорится в КА I.11.1). Однако не следует, видимо, преувеличивать степень органи-

²³ Обычно их считали представителями налоговой администрации, подчиненными *самахартра*, хотя в тексте прямых указаний на это нет. Отсутствие достаточного количества сведений о них не позволяет однозначно судить о их месте в «государстве КА», но традиционное толкование функций *гоны* и *стханики* не кажется единственно возможным. Так, они могли выполнять функции *самахартра* в рамках более мелких территорий, содействуя главе «объединения 5—10 деревень» и главе области. Возможно, также, они представлялись как своеобразные «резиденты», направляющие «тайных агентов», собирающие необходимую для *самахартра* информацию, помогающие устранить преступников любого рода. Однако следует подчеркнуть, что все это — лишь предположения.

зованности этой «тайной службы», считать ее четко сформированной административной структурой.

Чаще всего исследователи, касавшиеся проблемы организации «тайной службы», объединяли всех лиц, которые в переводах толкуются как «тайные агенты», в одну группу, и, таким образом, в историографии формировалось искусственное представление о фантастической структуре, «всепроникающей» и «всеохватывающей» тайной службе, делались выводы о «чудовищной сети, раскинутой над Индией и захватывающей в конце концов любого, кто мог бы принести выгоду или нанести вред правительству»²⁴. Представление о могущественном централизованном «государстве КА» дополнялось выводом о существовании в рамках этого государства организованного тотального шпионажа на любом уровне. Однако рассмотрение сведений КА позволяет считать подобного рода выводы ошибочными.

Все термины, которыми в КА обозначаются «тайные агенты», можно разделить на несколько групп. Это, во первых, обобщенные термины, которые обычно переводят однозначно — «тайный агент», «шпион» (*чара, апасарна, гудхапуруша* и пр.). Остальные же термины только толкуются, интерпретируются как обозначение «тайных агентов» авторами КА (отчасти) и исследователями (главным образом).

Довольно часто в тексте встречаются термины, толкуемые как обозначение «тайных агентов», состоящие из двух частей, где обязательно присутствует слово *вянджана* («имеющий облик», «выглядящий, как»). Их обычно считали «шпионами», которые действовали «под прикрытием», маскировались под земледельца, торговца и пр. Такие выводы в ряде случаев вызывают справедливое недоверие. Так, например, в КА I.11.9—10 говорится: «[Агент] — земледелец, лишенный средств, умный и честный служащий, имеющий облик домохозяина. Он пусть на отведенном ему участке земли занимается земледелием». Такой «агент» (*грихапатикавянджана*), согласно КА II.35.8—10, должен был быть в курсе всех дел в деревне, знать размеры полей и объем собранного урожая, иметь сведения о доходах населения, об освобождении отдельных семей от налогов, о поведении жителей, причинах их отъезда и приезда и т.п. Сомнение в хотя бы относительной целесообразности подобной рекомендации совершенно естественно, даже если исходить из традиционного представления о централизованном «государстве КА», о практичности предложений авторов трактата. «Внедрить» такого агента было бы крайне трудно, и деятельность его не могла быть тайной для жителей деревни. Шпионы, которые становятся земледельцами, торговцами и пр., — слишком сложное и надуманное толкование таких рекомендаций КА. Однако, если изменить акцент, отказаться от изначального отождествления «государства КА» с тоталитарной структурой, от идеи о «всепроникающей тайной службе», то все становится более простым и понятным.

Домохозяин-земледелец вполне мог быть «тайным человеком» царя (буквальный перевод термина *гудхапуруша*), его сторонником, слугой, передающим информацию, выполняющим поручения царя или *самахартра* и получающим за это вознаграждение. Такой человек был «агентом по совместительству», и он совсем не обязательно должен был знать все, о чем говорится в КА II.35.8—10. Здесь скорее всего изложено все, что он мог узнать, перечислены его возможности (а не «обязанности», подобный подход весьма характерен для КА), темы, интересующие государя. Для такой работы у земледельца были основания — он был «лишенный средств» (КА I.11.9), занимался земледелием «на отведенной ему земле» и получал плату за услуги (КА V.3.22). Такова же ситуация была, по-види-

²⁴ Breloer. Kautaliya-Studien. S. 150, 516.

тому, и с иными «агентами», о которых говорится в КА I.11.1. Указанные здесь лица толкуются как «имеющие облик» только потому, что они, оставаясь земледельцами, торговцами и пр., одновременно стали «тайными людьми» царя, сообщая ему необходимую информацию. Ни о какой фантастической маскировке «агентов» в КА нет речи, «маскировка» — реальное занятие человека, тайно оказывавшего услуги царю, ставшего его «агентом», или, вернее, сторонником, слугой, осведомителем.

В последних книгах КА, где «тайные агенты» — одно из главных действующих лиц, встречаются такие термины, как *душьямитратавикиавьянджана* («имеющие облик изменника-союзника и вождя лесного племени» — КА XII.4.19; 5.29), *митравьянджана* («имеющий облик союзника» — КА XII.5.28), *дутаавьянджана* («имеющий облик посла» — КА XIII.1.11), *митрасарамукхьявьянджана* («имеющий облик союзника, союзника в тылу или начальствующего лица» — КА XIII.4.28, 30) и др. Естественно, таких лиц считать «шпионами» трудно, нет сомнения — союзник, вождь лесного племени и пр. — обозначение реального, с точки зрения авторов КА, положения лиц, о которых говорится в тексте. Они, однако, одновременно и «люди царя», его тайные сторонники, своими действиями способствующие победе последнего над врагами. «Союзник» становится «имеющим облик союзника», ибо он одновременно действует и как «тайный человек» царя — такое изменение терминологии связано с дополнением функций и роли «союзника» и иных лиц. И оно выглядит вполне логично, поскольку авторы КА занимали главным образом вопросы политики и соответственно представляли различные уровни власти оценивались одновременно с точки зрения политика — сторонник, тайный враг и т.д.

Нередко в тексте встречаются термины, характеризующие «специализацию» того или иного «агента». Так, в КА I.12.1—5 перечисляются *самттрин* («подстрекатель», «provokator»), *тикшна* («тайный убийца»), *расада* («отравитель») и *бхикушки* («странствующая монахиня»), которых обычно считали «специальными агентами». Это опять же можно считать неоправданным усложнением терминологии КА. Скорее ряд отмеченных терминов — лишь искусственная классификация «агентов» по функциональному признаку. Подговоры, подстрекательство, убийства, сбор информации, согласно представлениям авторов КА, являлись основными обязанностями любого «агента», каждый мог выступать в том или ином из обозначенных здесь качеств. Следует заметить, что чаще всего эти термины употребляются в тексте исходя из их буквального значения (т.е. *самттрин* — занимается подстрекательством и т.п.). Лишь несколько выпадает из общей классификации *бхикушки* — этот термин употребляется в КА значительно реже и связывается с интригой только одного типа — монахиня провоцирует сановников, сообщая им о «любви жены царя» или о посягательствах царя на их жен.

При всем обилии рекомендаций, в которых моделируются изощренные интриги с использованием многочисленных «тайных агентов», кажется очевидным, что ни о какой «секретной службе» как о политическом, государственном институте древности говорить, основываясь на сведениях КА, нельзя. И это не выглядит противоречием. КА — трактат о политике, изложение государственной мудрости как таковой. Авторы, используя традиционную терминологию, исходя из традиционных представлений о социально-политической структуре общества и государства, следуя излюбленной для древнеиндийских трактатов методике, стремились дать все возможные (по их мнению) виды решения определенных ситуаций, нередко прибегая к искусственным построениям, классификациям.

Кажется очевидным, что в тексте мы имеем дело с концепцией децентрализованного государства. Подобный вывод не подразумевает утвержде-

ния о неразвитости «государства КА». Централизация и бюрократизация представляются просто несовместимыми с представлениями авторов трактата о социально-политической структуре общества (и, кроме того, уровень централизации и бюрократизации не может считаться, по нашему мнению, критерием развитости для древнего государства). Одним из центральных в рекомендациях КА был вопрос о каналах управления таким государством. И он представлен здесь, по нашему мнению, в единственно возможной для такой структуры форме. Основными функциями «администрации» в КА были слежка, контроль, проверка исполнения традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверка «честности» при передаче в казну должной части дохода, а также наказание, штрафование или устранение нарушителей («изменников», в том числе потенциальных, на любом уровне, «врагов», тех, кто присваивал «царское» имущество, царскую долю дохода и пр.). Причем после устранения таких лиц на их место предлагалось ставить представителей их же рода, только более лояльных, верных и честных (в большинстве случаев). И довольно важную роль в рамках такой системы управления играли «тайные люди» (*гудхапуруша*) царя, те, кого обычно исследователи считали «агентами» или «шпионами». Они занимали различное положение в обществе и выполняли, по существу управленческие функции, являясь важной частью небольшой «администрации» царя.

STATE, ADMINISTRATION AND POLICY IN KAUTILYA'S «ARTHASHASTRA»

D.N. Lelukhin

The paper is devoted to the problem of the ancient state and contains the analysis of materials and terminology of one of the most important sources on the problem, Kautilya's «Arthashastra» (further KA). The conception of the ancient state in India as strong, centralized, with a developed bureaucracy, formed in historiography in the first quarter of the 20th century and valid hitherto, is based mainly on the evidence of this treatise. A closer analysis of KA makes it possible for the author to arrive at the conclusion that the traditional interpretation of KA's information about the state and its administration is doubtful.

The society (from the point of view of its political structure) appears in the text as a complex structure of «political units» («*rajya*», kingdom is only one of the elements of this structure), which is in a complex hierarchy of rulers at different levels. The general principle of Kautilya's policy — integration without annexation — forms the political structure of the world in KA. Any political unit in KA is the union of lower autonomous units which retain their wholeness, their leaders and administration, their customs and laws.

Kautilya's state hasn't developed a state bureaucracy. Most persons mentioned in KA — «*adhyakshas*», «*amatyas*» and others (with the exception of those called «*purusha*» or «*gudhapurusha*») cannot be considered officials, rather they ought to be regarded as leaders of various «political units» — dependent rulers, noblemen, heads of clans, guilds or communal organizations who are referred to in KA by different functional terms depending on the context.